

Во глубине России

А. Макаров

812 (092)
M15

8Р24092/
М15

А. МАКАРОВ

ВО ГЛУБИНЕ РОССИИ...

Критико-библиографический очерк

648.655

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1969

Оренбургская областная библиотека
имени Н. К. Крупской

«Когда мне становится невыносимо больно от воспоминаний, которые не покидают, да и никогда, верно, не покинут тех, кто прошел войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пал на поле боя, порой не успев еще и жизни-то как следует увидеть, ни полюбить, ни насладиться радостями мирскими и даже досыта поест, я думаю о елочке, которая растет в лесу, на пне. Она уже, наверное, большая-пребольшая...»

Так пишет Виктор Астафьев, рассказывая простенькую историю о елочке, вскормленной прахом срубленного дерева и потому жизнестойкой среди хилых подружек, тщетно пытающихся выжить на почве голой, каменистой, бесплодной. В емких строках умной притчи «И прахом своим...» — личность автора, с его жизненным опытом, с его выношенными убеждениями, мудрой, грустной и гордой любовью к родной земле и ее людям, личность художника выразилась полно и цельно. Читатель может не поверить, что я, перебрав несколько придуманных зачинов, отбросил все и решил начать с цитаты не потому, что иные зачины были совсем уж безнадежны, но о Викторе Астафьеве хочется писать так же раздумчиво, как пишет он сам, словами простыми, таящими в себе и запахи широкошумной тайги, и шорох шуги на Енисее, и строгий покой лесных озер, и звонкую стынь родников, — писать словами, полными веры в совет-

ского человека и неизъяснимой нежности ко всему живому. Словами меткой и вольной русской речи, которые как бы сами по себе сплетаются в тесный хоровод, являющий яркий образ, способный вызвать глубинный отзвук в вашей душе.

Вот и в этом лирическом стихотворении в прозе «И прахом своим...» образ, подсказанный мимолетным наблюдением над явлением природы, заключил в себе мысль общественную, нравственную, о том, что только на преемственности, на неразрывной связи с предшественниками утверждается новая жизнь, а тем, кто оторвался от материнского лона, «можно было прорасти, но нельзя выжить». И как же сказалось мировоззрение советского человека в представлении о том, что каждое поколение есть звено цепи от прошлого к будущему, которое должно быть и будет прекрасней! «Как ты, мы, быть может, послужим лишь почвой для новых людей» — эти слова впервые прозвучали в революционной песне, когда еще в стране была ночь под ружьем и заря не взялась за винтовку. Они стали верой самого первого поколения революции. А спустя пятнадцать лет после того, как свершится она, один из ее поэтов скажет от лица своего поколения, что оно сражалось за то, «чтобы юность новая из костей взошла». Так и Виктор Астафьев, вспоминая о тех, кто пал на поле боя в его войне, знает, что подвиг их не напрасен, и эту заветную мысль воплощает в поэтическом и родственном для его мироощущения образе.

Проза Астафьева, отливается ли она в сюжетное повествование или лирический рассказ-раздумье, — это всегда размышление о нашей жизни, о значении человека на земле и в обществе и его

нравственных устоях, о народном русском характере и о способности живых и деятельных прорасти через обстоятельства, как бы ни были они тягостны, и выходить из испытаний, обогащаясь нравственно и сохраняя, как говорится, душу живую. Он превосходно знает и превосходно изображает быт — от особого быта таежных охотников до быта фронтовой жизни, — проникновенно рисует мир деревенского детства, превосходно живописует природу, одухотворяя ее своим воображением. И все же ни одно из этих свойств его личного дара не является определяющим суть его таланта — Астафьева не назовешь ни бытописателем, ни пусть даже вдохновенным певцом природы, по натуре своей он моралист и поэт человечности и относится к тому роду художников, которые пишут о душе — предмете необъяснимом и как бы иллюзорном, однако всем понятном.

Творчество его еще в становлении, но основные черты и направление уже достаточно ясно определились, хотя и не освещены еще в должной мере нашей литературной критикой. Надо сказать, что вниманием критики Астафьев обижен куда меньше, чем многие из его собратьев, живущих на периферии, и пишут о его книгах более чем благожелательно: он достиг признания, хотя еще не завоевал известности. Писательский облик Астафьева складывался далеко не сразу, ему самому пришлось проявить незаурядную способность прорасти через всякого рода препоны; как и другие его сверстники, ушедшие на войну чуть не подростками, он не был подготовлен к литературной деятельности ни достаточным учением, ни умственным воспитанием; ему понадобились годы труда, чтобы развить свой талант, что можно было сде-

лать лишь благодаря воле и настойчивости да, разумеется, и тем условиям жизни, при которых приметить талант и поддержать его при первых же неуверенных шагах становится своего рода законом.

Задавшись целью очертить творческий облик писателя, я не могу обойтись и без хотя бы беглого обзора его пути в литературу, тем более, что путь этот сам по себе не просто любопытен, он в значительной мере определил симпатии Астафьева к определенным характерам и пролегал по той же колее, что и путь многих его сверстников, после тяжелейших фронтовых лет вынужденных обстраиваться в мирной жизни без подготовки к ее трудностям и стойко преодолевших этот крутой перевал.

1.

Осень 1945 года. Солдат вернулся с войны. Он ушел на нее добровольцем такую же поздней осенью три года назад. Шел парнишке в ту пору восемнадцатый год. Теперь ему двадцать один. А жизнь, которая позади, и в три короба не уложишь. Изба крестьянская, хомутный запах дегтя... Будет время, солдат припомнит есенинские строки, поставит их эпиграфом к своим рассказам, как лирический вздох: хорошо, что я сберег все те ощущения детских лет. Пока же не до вздохов и не до запахов прошлого. Да и нелегко разобратся в них, они перемешаны, терпки и горьки — земляничный запах детства перешибает дух сиротского дома, смолистый аромат енисейских берегов развеян ледяным дыханием наносимых с океана в Игарку ветров, тепловато-маслянистый запах

разогретых вагонных колес, которым так приманчиво тянет на путника с мирных маленьких станций, перебит чадом горелой земли, и все застилает едкий настой госпитальных палат.

Солдат возвратился с войны не в родную деревню Овсянку, что где-то там под Красноярском, в далекой Сибири, и не в северный порт, и не на станцию Базаиха, где подростком работал за взрослого мужика составителем поездов. Много домов было у вчерашнего солдата, но не осталось такого, где бы ждали его. Поехал туда, куда с остывающих фронтовых дорог свернула стежка-дорожка личной судьбы — в заводской уральский город Чусовой. Здесь предстояло вить гнездо, вращать в мирное жите. Прошое, сколь ни было оно событий полно, мало чем могло помочь на первых порах. Разве лишь тем, что унаследовал солдат от своего родового корня — русских мужиков, обжившихся на суровой сибирской земле, — цепкость и выносливость да принес с войны не только ранения, а и ту энергию, которая отличала сотни тысяч его сверстников и которую питал дух только что одержанной победы.

И, правда, как подумаешь об исторической судьбе тех, кто безусыми юнцами уходил на защиту Родины, так даже их боевые дела, совершенные перед общей угрозой и в общем строю, даже эти дела как-то отошли назад в свете послевоенного пути этого поколения, когда каждый в одиночку протаптывал свою дорожку, годами труда пробиваясь к командным высотам, становясь председателями колхозов, руководителями предприятий, освоителями Крайнего Севера, инженерами, учеными, писателями.

Надо ли говорить, что нелегко был этот путь и немалой выносливости потребовал он. Легче все же было тем, кто до войны успел выбрать профессию, отхватить кусочек институтских знаний или хотя бы окончить десятилетку. Для тех открывалась прямая дорога в институты, каких-нибудь четыре-пять лет, и, пожалуйста, твори, выдумывай, пробуй. Опережало и более молодое поколение, прытко выбежавшее вперед со своим ограниченным житейским опытом, но с ранней своей образованностью и неограниченным кругом вопросов своей среды. Кстати сказать, эти обстоятельства отчасти помогают понять и некоторый феномен сегодняшней литературной жизни: имена, еще вчера привлекавшие внимание критики, отступили назад перед именами Ю. Гончарова, К. Воробьева, Е. Носова, В. Астафьева, В. Сапозникова — людей с военной биографией. Те, кому надлежало быть предшественниками, оказываются как бы продолжателями литературного процесса. И хочется надеяться, что внимание к «новым» именам вызвано не очередным качанием критического маятника, не тем, что ныне иная мода пошла, а пониманием того, что литературное хозяйство велико и обильно.

2.

За пять послевоенных лет Виктор Астафьев переменил ряд профессий: был дежурным по вокзалу, слесарем, литейщиком в вагонном депо, ночным сторожем, — прежде чем взяться за перо. Произошло это, как писал один из рецензентов, случайно. В литературном кружке при газете «Чусовской рабочий», куда Астафьев заходил, кто-то читал рассказ о войне, и его удивило, что бывший

фронтовик пишет так, как будто боя и в глаза не видел. В случайности я верю мало — потянуло же зачем-то человека на собрание литкружка, — но то, что первым толчком перу послужил такой случай, подтверждает и сам Астафьев. В часы ночного дежурства он написал первый рассказ «Гражданский человек», исписав листов двадцать в книге, предназначенной для записи происшествий, за что и отчитал его, как положено, начальник охраны. Но рассказ уже существовал: его одобрили в том же кружке, опубликовали в газете, и примененный талант вскоре занял в редакции место литературного сотрудника. А через два года, в 1953 году, вышла в Перми первая, еще тощая книжечка «До будущей весны».

Ах, как славно было бы вот тут-то и захлебнуться в восторге: «первая же книга Астафьева свидетельствовала о рождении нового таланта...» К тому же взгляд на то, что талант и не может заявлять о себе иначе, как с первой, поразившей читателя свежестью, книги, у нас довольно распространен. Недавно один из руководителей Союза писателей в выступлении о творчестве молодых возвел его как бы в принцип, ссылаясь на то, что художники всегда являли себя миру первой же книгой, и в качестве примера упомянул «Тихий Дон» и «Страну Муравию», которые, кстати, не были первыми книгами Шолохова и Твардовского. Ну что говорить: бывает, и в первой книге гений обнаруживает и силу и индивидуальность — Лев Толстой начинал «Детством», Достоевский — «Бедными людьми».

По тощей книжечке рассказов «До будущей весны» невозможно было судить, пришел ли в литературу писатель со своим словом. Правда, пере-

листывая ее теперь, можно углядеть и в ней что-то от будущего Астафьева. Но это что-то лишь как малоприметные белесые ростки проглядывает из-под плотного слоя побуревшей листвы общепринятых в ту пору литературных стандартов.

Заботливо отредактированный «Гражданский человек» мало чем отличался от десятков газетных рассказов о подвиге — здесь подвиге связиста, который, будучи ранен, соединил провод. Все завершил утешительный конец: однополчане получили письмо от выздоравливающего героя. Лет через шесть Астафьев вернется к своему первенцу, и лишь тогда обрастет образной плотью сухой костяк фраз и вдохнет писатель душу в своего Матвея Савинцева, восстановит рукописный вариант — не выздоравливать в госпиталь пошлет его, а правдиво изобразит, как тяжело и мужественно умирал на поле боя русский человек, и в последнюю минуту думая, как бы посмягчить горе близких, чем бы утешить их. И назовет рассказ «Сибиряк». На другие же попросту махнет рукой.

Пока же первый успех пробуждает прилив головокружительной самонадеянности. Не велика беда, что за спиной всего шесть лет школьной учебы, что он всего лишь начинающий журналист — что ему стоит засесть и сочинить роман?! Тем более тема сама собою дается в руки как призыв: только что состоялся сентябрьский пленум ЦК партии, среди хлеборобов оживление и подъем, вся страна в ожидании больших перемен в сельском хозяйстве. Разве не должен молодой писатель откликнуться, разве не приболели ему самому беды послевоенной деревни?! И по мере того как роман продвигается вперед, растет самоуверенность. И романа еще никто не видел, и в

активе всего лишь несколько рассказиков и газетных очерков, а молодой автор уже выступит в 1956 году в журнале «Урал» с программной статьей «В муках рожденный» — о своем герое-современнике. По-журналистски отобраны и подчеркнуты противопоставлены в ней разительные факты мрачного прошлого и героического настоящего, наивны теоретические рассуждения автора, но и трогательны его признания: «Мой герой — человек бывалый, с хитрецей и усталостью, проживший нелегкую жизнь, устоявший перед трудностями и несправедливостями. Он так запросто не открывается, к нему еще ключик надо подбирать. Я порой ясно вижу его, а порой он расплывается, бледнеет... Не могу я обобщать человека, который с детства начал зарабатывать хлеб, войну прошел, натерпелся, настрадался, начинал сызнова, а от природы — человек веселый, гордый», — это как обет. Ибо герой Астафьева существует больше в его воображении, чем в образной плоти. И когда он родится, будет он не совсем таким, каким замыслил его автор. Да, это будет человек, чья жизнь нелегка, стойкий перед трудностями и несправедливостью, но не окажется в нем никакой хитрецы, той соблазнительной изворотливости, какую, бывает, объявляют чуть ли не добродетелью, только и помогающей русскому человеку вывертываться в затруднительных случаях. Но не обделит его писатель ни природной талантливостью, ни чуткостью сердца к чужим бедам, ни верностью и постоянством чувств, ни бескорыстием, ни многими другими качествами, украшающими русского человека.

Кое-какие черты этого героя уже проглянут и в персонажах романа «Тают снега» (1958), написанного еще ученическим пером. Даже в изобра-

жении природы, которую так любит автор, он еще неловок, и слова нередко вступают друг с другом в кричащее противоречие. Небо кое-где «пятнали беззаботные облака». Дождь «трусит... такими тугими струями, что по ним, кажется, перебираться можно и наверх влезть». Впрочем, кто у нас обращает внимание на такие мелочи! Молодой автор написал роман на актуальную тему — честь ему и хвала! Роман имел успех, он ничем не уступал десяткам таких же написанных на эту тему книг, стоял «на уровне», а если вспомнить при этом, как бедно еще был вооружен его автор знанием литературного ремесла, можно только подивиться тому, как он справился с композицией многопланового произведения. Через четыре года роман переиздают, сопроводив примечанием, что «он вызвал большой интерес у сельского читателя, которому он особенно близок по теме, по тем вопросам, которые в нем поставлены». И критика весьма и весьма благожелательно отнеслась к роману, и лишь одна особо строгая рецензентка упрекнула автора, что в книге «недостает широкого дыхания исторических обстоятельств», что при всей поэтичности характеристик производственные конфликты очерчены бледно, и от души пожелала автору расти и добиваться «большого типизма в обрисовке событий». Словом, критика сделала то, что и могла сделать критика: одобрила, поддержала и указала дорогу к совершенствованию. Казалось бы, после признания можно было с легкой душой засесть за новый роман о сегодняшних днях или, что еще проще, за вторую книгу того же романа. Подобные случаи, увы, нередки: немало мы имеем примеров тому, как, достигнув некоего беллетристического уровня, обещающий

автор так и продолжает выдавать книгу за книгой на том же среднем уровне, обрекая себя на участь посредственности. С Астафьевым происходит нечто совершенно неожиданное: преуспевший романист пишет рассказы для детей, «Перевал» — повесть о мальчишке-сироте, действие которой происходит лет этак тридцать назад.

Автор, видимо, судил себя строже, чем его добрые рецензенты. На безоглядной вере в себя и молодом самомнении рождался его первый роман. На благодетельном сомнении в своих возможностях и целительном недовольстве собой возникают рассказы для детей и новая повесть. Думается, что в работе над романом Астафьев, может быть, интуитивно, но понял, догадался, что влечет его в искусстве не «типизм в обрисовке событий», а тайна человеческих характеров, что если и дарована ему искорка таланта, то талант этот в том, чтобы, волнуясь и любя, обрисовать человека таким, каким он видится ему, Астафьеву. И если есть в его романе страницы, где вспыхивала эта искорка, то это страницы, на которых автору удалось сказать, как тяжело отозвались на жизни людей последствия войны. Особенно же ярко светилась она в истории многодетной вдовы Макарихи и с юности любящего ее Якова, друга убитого мужа, в посвященной сложному психологическому переплетению отношений двух семей, взрослых и детей, истории о целомудренности и благородстве человеческого чувства. Понял Астафьев, может быть, и то, что, как ни странно, и «семейная линия» может куда больше, чем самое широкое описание событий, пролить свет на общество, на его социальные особенности — ибо характеры людей, их поведение и взаимоотношения отражают нравст-

венное состояние общества, — и способна объяснить социальную природу событий, движение общества к расцвету или упадку. Так ли уж случайно «Анна Каренина» — один из самых «семейных» романов XIX века, в котором и сам автор, по его словам, хотел выразить «мысль семейную», стал и одним из самых социальных романов в русской литературе.

✓ Повесть «Перевал» появилась в 1959 году в журнале «Урал». Она зачинает собою цикл, думается, еще не заверченный, повестей, к которым подошло бы название вроде «История моего современника», и я еще вернусь к ней позднее. А пока скажу, что это произведение свидетельствовало о рождении писателя, способного силой памяти воскрешать живые образы людей и окружающей их действительности.

В удаче «Перевала», где впервые так вкусно и свежо, незамутненно прозвучал голос Астафьева, немалую роль играло то, что автор писал о том, о чем не мог не писать и о чем уже мог написать; чувствовалось, что здесь он в своей струе жизни и в той языковой струе, какою можно эту жизнь выразить. Заглавие повести символично не только для судьбы ее героя, но и как бы для автора, взявшего в ней свой первый и, быть может, самый трудный перевал; он открыл для себя и в себе мир, способный стать источником художественного вдохновения. С этой первой вершины внутреннему взору художника открывается обычно то необозримое, манящее поле, которое ему надлежит обрабатывать. Оно обещает урожаи столь тучные, что на то, чтобы все до последнего снопа сжать, бывает, жизни не хватает.

Как-то, отвечая в местной газете на вопрос чи-

64.3.155
тательницы: «Как возникают сюжеты Ваших произведений — случайно, или Вы их ищете в жизни?», — Астафьев написал: «Сюжет — не грибы, и искать его для меня, например, дело бесполезное. Чаще всего сюжет, если так можно выразиться, сам меня находит... Мои сюжеты чаще всего приходят из воспоминаний, то есть из тех времен, когда я писателем не был и не знал, что им буду, а следовательно, и «сюжетов» искать не мог». Действительно, дописательские времена Астафьева оказались на редкость обильными «сюжетами» благодаря биографии, густо насыщенной жизненными коллизиями и впечатлениями. И, естественно, острота и драматизм сюжетов его повестей и рассказов побудил читательницу задать ее простодушный вопрос. Однако занимательность сюжета, будучи, несомненно, достоинством любого произведения, сама по себе еще не показатель художественности. Для художника сюжет только средство для выражения своего представления о жизни, отношения к явлениям действительности и оценки их, для воплощения в образах его взглядов, убеждений, идей. «Перевалом» в литературу входил не беллетрист, которому есть о чем порассказать (имя им — легион), а писатель, который знает, что он хочет и должен сказать людям.

3.

Страстно, живописно, на взлете поэтического чувства, но и хаотично, противоречиво, философски смутно эти идеи выплеснуты Астафьевым в повести «Стародуб», опубликованной в 1959 году в альманахе «Прикамье». Пронзающее сердце мироощущение человека, который хлебнул немало ли-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48